

СОСНМ

КНИГА ПЕРВАЯ

ХОР МЁРТВЫХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Есауленко Николай

Николай Есауленко

**СОНМ. КНИГА ПЕРВАЯ:
"ХОР МЁРТВЫХ"**

«Автор»

2026

Есауленко Н.

СОНМ. КНИГА ПЕРВАЯ: "ХОР МЁРТВЫХ" / Н. Есауленко —
«Автор», 2026

Их было десять тысяч. Теперь они — один голос внутри него. Секта, убившая их, приняла его как рекрута, но они не имеют ни малейшего понятия, чем это обернётся для них и всей поднебесной. Чтобы отомстить, уничтожить зло, он готов отказаться от всего человеческого и стать настоящим чудовищем, не знающим жалости.

© Есауленко Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Город, которого больше нет	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Есауленко

СОНМ. КНИГА ПЕРВАЯ: "ХОР МЁРТВЫХ"

Пролог: Город, которого больше нет

Один месяц назад
Город назывался Тихая Заводь.

Три тысячи дворов, две рыночные площади, храм Семи Ветров на холме и городская стена, которую не ремонтировали уже лет сто — потому что войн здесь не было давно, а от зверья хватало и частокола. Люди здесь рождались, жили и умирали, не зная, что такое духовные практики. Знали, конечно, что где-то есть секты, есть бессмертные, есть те, кто летает на мечях и сражается молниями. Но это было где-то там, далеко. Как сказка. Как страшная легенда, которую рассказывают детям на ночь, чтобы не убегали в лес.

Никто не ждал беды.

Беда пришла в новолуние, когда даже луна отвернулась.

Он проснулся от холода.

Это было странно. Лето стояло жаркое, душное, и спали они с сестрой на сеновале, чтобы не задыхаться в доме. Но сейчас холод был не ночным, не сквозняком. Он шёл изнутри. Из груди. Из костей.

Он сел, тяжело дыша.

Рядом, свернувшись калачиком, спала Лира. Ей было восемь. Она всегда спала, прижавшись к его боку, как котёнок. Её волосы разметались по соломе, губы чуть приоткрыты, кулачок сжат у подбородка.

Он смотрел на неё и не мог понять, что не так.

А потом понял.

Она не дышала.

— Лира?

Он тронул её за плечо. Без ответа. Потряс сильнее.

— Лира! Проснись!

Тишина. И холод. И что-то ещё — странный запах, который он не мог опознать. Не гниль, не гарь. Что-то тонкое, сладковатое, как ладан, но неправильное. Так пахнет воздух перед грозой, когда небо уже налилось свинцом, но молнии ещё нет.

Он выбежал из сеновала, не помня себя.

Улица была полна тишины.

Не тишины ночи — ночь всегда полна звуков: сверчки, собачий лай, ветер в листве. Это была другая тишина. Мёртвая. Как будто кто-то выключил звук мира.

Он бежал по улице, босой, в одной рубахе. Двери домов были распахнуты. В окнах не горел свет.

Первый труп он увидел у колодца.

Женщина. Молодая. Он знал её — это была травница Марта, она лечила Лиру прошлой зимой, когда та простудилась. Сейчас она лежала на земле, скорчившись, как младенец в утробе. Из рта, из носа, из ушей вытекло что-то чёрное, загустевшее. Глаза были открыты. В них застыло удивление — не ужас, не боль, просто удивление. Как будто она не поняла, что умерла.

Он шёл дальше.

Сосед, у которого они покупали молоко. Староста, толстый и важный, лежал на крыльце собственного дома, уткнувшись лицом в ступени — как будто кланялся кому-то невидимому. Кузнец, которого он знал с детства, застыл у горна с протянутой рукой, словно пытался дотянуться до инструмента. Дети. Много детей. Они умирали, как и взрослые, — без крика, без борьбы. Просто переставали дышать во сне.

Он вернулся к сеновалу.

Лира лежала так же, как он её оставил. Но теперь он видел то, что не заметил раньше. У неё из уха вытекла тонкая струйка. Чёрная. Густая, как смола. Она застыла на щеке, оставив дорожку, похожую на слезу.

Он сел рядом с ней. Взял её за руку. Рука была холодной.

Он не плакал. Слезы придут позже — или не придут совсем. Сейчас внутри была только пустота. Огромная, звенящая, как колокол без языка.

— Я вернусь за тобой, — сказал он. Голос был чужим, хриплым, будто не его. — Ты слышишь? Я вернусь.

И в этот момент что-то внутри него открылось.

Не разум. Не дух. Что-то глубже — в самой сердцевине, где душа крепится к телу. Как будто распахнулась дверь, которой раньше не было. Как будто лопнула перепонка между мирами.

И в эту дверь хлынуло.

Голоса.

Сначала он не понял, что это. Думал — ветер. Думал — кровь шумит в ушах. Но это были не звуки. Это было присутствие. Ощущение, что ты больше не один. Что в пустой комнате вдруг оказалась толпа.

Десять тысяч.

Они не кричали. Не обвиняли. Они просто... были. Как будто весь город — все три тысячи дворов, все десять тысяч душ — вдруг собрались в одной точке. Внутри него.

Он видел их. Не лица — скорее, отпечатки лиц. Тени. Как будто смотришь на воду, в которой отражается тысяча звёзд. Они мерцали, перетекали друг в друга, сливались и расходились.

Их голоса были не словами. Скорее, чувствами. Воспоминаниями. Обрывками мыслей.

...хлеб подгорел, надо вынуть...

...не хочу умирать, пожалуйста, я не хочу...

...где мой сын, где мой маленький мальчик...

...темно, почему так темно...

...больно...

...холодно...

...мама...

Он схватился за голову. Десять тысяч жизней, десять тысяч смертей — одновременно. Это было слишком. Слишком много для одного человека. Его тело дёрнулось, из носа потекла кровь — уже его, живая, горячая.

А потом голоса стихли.

Не исчезли. Просто отступили. Как волна, которая накрыла с головой, а теперь отхлынула, оставив его лежать на берегу.

И среди тишины — один голос. Тихий. Знакомый.

Брат, мне страшно.

— Я здесь, — прошептал он. — Я с тобой.

Мы не одни?

— Не одни. Нас много. Мы теперь... вместе.

Он не знал, откуда взялись эти слова. Они пришли сами — не из разума, а откуда-то изнутри. Из той самой двери, которая теперь была распахнута настежь.

Десять тысяч душ. Десять тысяч искр. Они не ушли в колесо перерождения. Они застряли. Ритуал, убивший их, не просто вырвал ци из тел — он сломал что-то в самом порядке вещей. Создал пробку. И все эти души, не способные уйти, нашли путь к нему. Или он стал путём к ним.

Он не понимал, как это работает. Не понимал, почему он. Может быть, потому что он был последним, кто ещё дышал. Может быть, потому что он держал сестру за руку. Может быть, просто случайность.

Неважно.

Важно было другое: они здесь. Они с ним. И они помнят.

Он не знал, сколько прошло времени.

Небо на востоке начало сереть. Рассвет приближался, но не приносил тепла. Холод внутри не уходил. Он сидел на сеновале, держа Лиру за руку, и слушал тишину внутри. Голоса молчали — может быть, ждали. Может быть, давали ему время.

А потом пришли они.

Их было пятеро. Серые балахоны, низко надвинутые капюшоны. Они шли по улице спокойно, не таясь, как хозяева, проверяющие свои владения. Один из них держал в руке диск из тёмного металла с дрожащей стрелкой. Другой что-то записывал в свиток. Остальные осматривали дома.

Практики.

Те самые, о которых рассказывали легенды. Те, что должны были защищать смертных от демонов. Те, что сидели в своих горах и не вмешивались в дела обычных людей.

Они убили его город.

Он понял это сразу, без доказательств. Понял по тому, как они шли — не как спасатели, опоздавшие к беде, а как инспекторы, проверяющие качество работы. По тому, как один из них остановился у тела Марты, наклонился, потрогал чёрную струйку на её лице и что-то сказал товарищу. Тот кивнул, делая пометку в свитке.

— Собрали чисто, — донёсся обрывок фразы. — Урожай хороший.

Урожай.

Они говорили об этом как об урожае.

Он поднялся с сеновала.

Вилы стояли у стены. Старые, с одним обломанным зубом. Он взял их. Руки не дрожали. Внутри была не ярость — что-то другое. Холодная, спокойная пустота. Десять тысяч голосов молчали, но он чувствовал их внимание. Они смотрели его глазами.

Он пошёл к практикам.

Первый удар пришёлся в спину тому, что с прибором.

Вилы вошли в плоть с влажным хрустом — совсем как в тук с сеном, только горячее и мягче. Металлический диск выпал из руки практика, покатился по булыжникам, стрелка бешено завращалась. Практик закричал — тонко, пронзительно, как заяц в силке. Он упал на колени, пытаясь вытащить вилы из спины. Пальцы скребли по деревянной рукояти, ломали ногти. Зуб застрял между рёбер. Кровь хлынула на серый балахон, делая его чёрным.

— Какого... — начал второй, оборачиваясь.

Герой не дал ему договорить. Прыгнул, вцепился руками в горло. Они покатались по земле — он, босой, в испачканной рубахе, и практик в сером балахоне, который забыл обо всех своих техниках и просто пытался отодрать его пальцы от своего горла.

Практик был силён. Его тело было укреплено ци, он мог бы убить крестьянина одним ударом. Но он не ожидал. Не ожидал, что жертва даст сдачи. Не ожидал, что смертный посмеет.

Пальцы героя сомкнулись на горле врага. Он чувствовал, как под кожей ходят хрящи, как бьётся жилка, как напрягаются мышцы. Практик хрипел, выкатив глаза. Из рта пошла пена — розовая, кровавая. Герой давил. Сильнее. Ещё сильнее. Хруст. Кадык провалился под пальцами. Практик задёргался в последний раз и затих.

Герой встал.

Двое убиты. Осталось трое.

Он поднял глаза. Оставшиеся трое смотрели на него. Не нападали. Не убегали. Просто стояли и смотрели.

Тот, что стоял в центре — выше других, шире в плечах, — скрестил руки на груди.

— Закончил? — спросил он. Голос был спокойным, почти равнодушным. — Или ещё кого-нибудь убьёшь?

Герой бросился на него.

Практик поднял руку.

Мир вспыхнул болью.

Он очнулся на земле.

Тело не слушалось. Каждая мышца горела, как будто его окунули в кипяток, а потом отбили молотом. Из носа текла кровь, из ушей тоже. Перед глазами плыли цветные пятна. Он попытался пошевелиться — не смог.

Практики стояли над ним. Трое серых балахонов. Трое капюшонов. Лиц не разглядеть — только тени и блеск глаз.

— У этого нет метки, — сказал один. — Почему он жив?

— Пропустили, — ответил другой. — Бывает. Добить?

— Подожди.

Третий голос. Глубокий, спокойный. Не тот, что говорил раньше — этот звучал иначе. Властно. Так говорят те, кто привык отдавать приказы.

Он лежал и смотрел в серое небо. Где-то на периферии зрения кружили птицы. Скоро они спустятся в город. Скоро начнётся пир.

— Значит, так, — сказал спокойный голос. — Берём с собой.

— Что? — переспросил первый. — Зачем?

— Затем, что он выжил. Затем, что он голыми руками убил двоих. Ты знаешь хоть одного смертного, который способен на такое после «Жатвы»?

Молчание.

— Вот именно. Я хочу знать, почему он жив.

— А город?

— Город закончен. Собрали чисто. Доложишь Координатору, что урожай хороший, но требуется контроль качества. И скажи... — голос помедлил. — Скажи, что у нас аномалия.

Чьи-то руки подняли его с земли. Грубо, без заботы. Кандалы защёлкнулись на запястьях. Ошейник сомкнулся на шее — холодный металл, пахнущий старым железом и чем-то ещё. Кровью, может быть.

Он попытался заговорить. Губы не слушались. Во рту был вкус крови и желчи. Один зуб шатался.

— Сестра... — выдавил он. — Там... на сеновале...

Никто не ответил.

Его тащили по улице — прочь от сеновала, прочь от колодца, прочь от мёртвого города. Мимо домов с распахнутыми дверями. Мимо тела травницы Марты. Мимо старосты, кланяющегося невидимому богу. Мимо кузнеца, застывшего с протянутой рукой.

Он не мог повернуть голову. Но он чувствовал — Сонм внутри него смотрит. Десять тысяч пар глаз. Десять тысяч душ, запертых между жизнью и смертью.

Они запоминали.

Мы запомним, — сказали они без слов. — Мы запомним каждого. Мы запомним всё.

Герой закрыл глаза и позволил тьме поглотить себя.

Он шёл по мёртвому городу. Улицы были пусты, но он знал — в каждом доме, в каждой постели лежат они. Те, кто не проснулся. Те, кто остался здесь навсегда.

Он шёл к сеновалу. Знал, что найдёт там.

Лира сидела на соломе, обхватив колени руками. Ей было восемь. Волосы разметались по плечам. На щеке — застывшая чёрная струйка.

— Ты обещал вернуться, — сказала она.

— Я вернусь, — ответил он. — Клянусь. Я заберу тебя отсюда.

— Мы подождём.

Она подняла глаза. И он увидел, что за ней стоят другие. Тысячи. Десятки тысяч. Они заполняли улицу, стояли на крышах, выглядывали из окон. Все, кого он знал. Все, кого не знал. Весь город.

— Мы подождём, — сказали они хором. — Но ты не забудь.

— Я не забуду, — ответил он.

Лира улыбнулась. И город исчез.

Он открыл глаза.

Над головой плыли серые облака. Где-то далеко каркали вороны. Телега, в которой его везли, подпрыгивала на ухабах. Кандалы впивались в запястья.

Он лежал и смотрел в небо.

Мечь не была вопросом эмоций. Это была цель. Холодная, ясная, неизбежная. Так солнце встаёт по утрам. Так вода течёт вниз. Это не вопрос желания. Это вопрос времени.

— Я не забуду, — прошептал он.

Сонм внутри молчал. Но он знал — они слышат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.